

«Ты только матери не говори...»

«Откуда столько воды? — недоумевал Валька. — Сколько раз по этому маршруту ходил, и никогда раны на вентиляционном штреке воды не было. А сейчас, похоже, скоро до колена дойдёт!»

Должность у молодого парня небольшая, но ответственная — маршрутный горный мастер участка вентиляции и техники безопасности (вТБ). Все объекты в шахте разбиты на маршруты и контролируются один раз в сутки горными мастерами этого участка, которые с помощью интерферометра делают в установленных местах замеры метана и углекислого газа, а также следят за тем, чтобы на маршруте не было других нарушений нормативных требований охраны труда шахтёров.

Рассекает Валька воду, как катер, гонит волны по выработке. Всё бы ничего, да сапоги изношенные, дырявые, внутри них уже вовсю хлопает. Шерстяные портянки набухли и противно трут ноги...

К воде и дырявым сапогам у Вальки отношение особое. Случилась с ним в прошлом году неприятность: походил вот так же в дырявых сапогах по колено в воде, и появилась краснота на ноге. Чешется — сил нет терпеть! Мама с бабушкой, заметив эту красноту, переполошились и вынесли вердикт:

— С такой болячкой надо к бабке идти.

— К какой бабке? — не понял Валька.

— Знамо к какой...

— А-а... Не пойду я ни к какой бабке! — возмутился он, когда догадался, о ком идёт речь. — Взрослые люди, а ерунду говорите.

— Это не ерунда, Валя. Это рожа.

«Ну и название у этой болячки!»

Ещё день отработал Валька и не выдержал, потопал в больницу. Врач только взглянул на его ногу и говорит:

— Если хочешь быстро вылечиться, иди к бабке. Бабка скажет, что ей принести, — принесёшь, она пошепчет, и всё пройдёт.

Растерялся Валька: врач, а те же глупости талдычит.

— Нет, доктор. Не верю я во всё это. Лечите официальными средствами.

Пожал врач плечами: мол, хозяин — барин, — поставил диагноз «рожистое воспаление» и прописал

делать фурацилиновые повязки и пить антибиотики.

Как ни странно, помогло — за неделю Валька выздоровел. (Видать, упрямство его природное свою роль сыграло!)

И вот опять та же история — вода и дырявые сапоги.

Дошёл Валька кое-как до сопряжения вентштрека с другой выработкой — квершлагом, свернул на него. Уквершлага угол наклона хоть и небольшой, но всё равно — чем выше поднимался «маршрутник», тем уровень воды в нём становился меньше.

«Надо сапоги снять и портянки выкрутить, а то опять рожа будет!» — сразу решил Валька, как только совсем выбрался из воды. Посмотрел по сторонам — сесть не на что. Опёрся спиной о стенку выработки, стянул за носок один сапог, выжал портянку, словно половую тряпку, снова намотал её, мокрую, сунул ногу в сапог. Хоть немного, но легче.

Только закончил возиться со вторым сапогом, как в соседней выработке замелькал свет «конононок», послышались голоса и стук колёс о рельсы. «Здесь же зазоров нет, чтобы с вагонеткой разминуться — надо обратно на вентштрек выходить. Блин горелый!»

Как же не хочется опять в воду лезть!

Толкаемая двумя проходчиками, показалась большая вагонетка, гружённая рудстойками (брёвна длиной два с половиной метра и сантиметров двадцать в диаметре). А квершлаг-то наклонный! Выхала вагонетка из-за поворота и покатилась вниз под собственным весом — прямо на Вальку. Проходчики попытались удержать её руками. Бегут, спотыкаются через шпалы, но вагонетку не отпускают, видят, что впереди человек в безнадёжном положении оказался.

Да разве её, тяжеленную махину, руками удержишь? Набрала вагонетка скорость и «убежала» от проходчиков. Несутся они следом, но сделать уже ничего не могут. А Вальке, бедному, деваться некуда, до вентштрека добежать не успеет — вагонетка догонит.

«Блин горелый!»

Огляделся Валька и принял единственно верное в такой ситуации решение: выбрал место, где расстояние от стенки выработки до рельсового пути

самое большое, и быстро нырнул в пространство между ножками металлоарочной крепи. Сорвал с плеча трёхкилограммовый цилиндр самоспасателя¹, поднял его за ремень над головой повыше, чтоб себе ещё несколько сантиметров пространства выгадать, вжался спиной в стенку выработки, втянул живот поглубже, задержал дыхание...

Когда вагонетка коснулась его, ноги сами начали движение ей в противоход. Скользит ржавый борт по Валькиной груди, вдавливая парня в крепь, а он протискивается, весь сжавшись. Даже не понял, как сумел проскользнуть в мизерное пространство между ножкой крепи и вагонеткой.

Почему он так поступил, Валька и сам не знал. Здравый смысл говорил об обратном: стоять на месте, где шире всего, пока вагонетка не проедет, да и правила безопасности говорят о том же — остановиться и пропустить подвижного состав. А он поступил против здравого смысла, нарушил правила и этим... спас себе жизнь!

Едва Валька оказался позади вагонетки (ещё даже не успел опустить руку с самоспасателем), как с его стороны оба её колеса соскочили с рельса и упали на почву выработки. Верхний край борта и выступающие поверх него рудстойки ударили в рамы крепи. Ударили с такой силой, что всё крепление выработки содргнулось, посыпалась пыль, а с деревянной затяжки полетела труха.

Как оказалось, в том месте, где находился «маршрутник», имелся не только наибольший зазор между крепью и рельсовой колеёй, но и расстояние между рельсами превышало положенное значение. — Здравсьте, — поприветствовал Валька проходчиков.

Те неслись как угорелые. На их лицах было написано всё! Они, в отличие от горного мастера вТЬ, сразу поняли, что только что произошло. Вернее, могло произойти.

Забросил Валька на плечо ремень самоспасателя и пошёл дальше, довольный тем, что не пришлось второй раз лезть в воду. На повороте выработки оглянулся. Два проходчика, два бывалых мужика, стояли возле вагонетки и не могли пошевелиться. Стресс! Самый настоящий «столбняк», оттого что чуть не угробили молодого парня. И только тут до Вальки дошло, что несколькими мгновеньями раньше его жизнь могла так внезапно и так страшно оборваться. Ноги сделались ватными, он замер и, упёршись взглядом в вагонетку, тоже стал как вкопанный.

Долго стояли проходчики неподвижно, словно статуи. Потом один из них, придя в себя, тихо сказал напарнику:

— Давай! — толкнул его локтем и взялся за лежащую в вагонетке рудстойку.

Одну рудстойку они положили поперёк рельсов, вторую, образуя рычаг-качели, установили поверх неё, один конец завели под «брюхо» вагонетки, на другой налегли сами. Вагонетка нехотя приподнялась и стала колёсами на рельсы.

Завершив эту нехитрую (и выполненную с нарушением правил безопасности — так вагонетки ставить нельзя!) операцию, проходчики покатали вагонетку дальше и вскоре скрылись за поворотом. Железный стук колёс по рельсам давно прекратился, а Валька всё стоял, не имея сил сдвинуться с места...

Живёт Валька в частном доме в шахтном посёлке вместе с мамой, бабушкой и дедом. Отца у него нет — в шахте убило, когда Валька был совсем маленьким. Он на УШТ (участке шахтного транспорта) работал. Ставила на рельсы вагонетку, она опрокинулась и прижала его к стенке выработки. Насмерть! Всего двадцать два года отцу было.

Дед в то время работал главным инженером. Мог ли он сыну найти «тёплое» место? Конечно, мог. Но у настоящих шахтёров так поступать не принято. Хоть и сын второго руководителя на шахте после директора, а всё равно, прежде чем людьми командовать, должен был пройти всю служебную лестницу — от рабочего до... Там было бы видно, да не судьба. Состарился дед сильно после гибели сына, осунулся. Единственный сын был. Хорошо хоть успел внука родить, есть кому шахтёрскую династию продолжить.

Давно дед на пенсии, но не хочет дома сидеть, прикипел душой к родному предприятию. Начальником учебного пункта трудится — передаёт молодёжи свои знания и опыт.

Всё он сделал, чтобы избежать повторения трагедии, — направил внука Вальку после окончания школы учиться в горный техникум. И работать его, «техника-разработчика месторождений полезных ископаемых», устроил не на добычной участок, где когда-то начинал сам и где при выемке угля самый высокий на шахте травматизм, и тем более не на УШТ, а на относительно спокойную должность «маршрутника» на вТЬ: плана по добыче угля и по проходке выработок на этом участке нет, никто не «снимет стружку» за не доставленный вовремя «порожняк»...

Выехал Валька из шахты, сдал в ламповую «коногонку», самоспасатель и интерферометр, помылся в бане, переоделся в чистое, зашёл в нарядную своего участка, отчитался и направился к деду.

Учебный пункт располагался в отдельном здании на территории шахты. Дед стоял у входа в учпункт и курил. Увидел издали Вальку и по его виду сразу понял, что что-то случилось.

— Рассказывай, — коротко сказал внуку, когда тот подошёл.

.....
1. Самоспасатель — средство индивидуальной защиты горняков при подземных авариях, связанных с образованием непригодной для дыхания атмосферы, в нём за счёт химической реакции выделяется кислород.

Рассказывает Валька всё как было, а деду представляется совсем иная картина—похожая на ту, что он пережил двадцать лет назад. Вот идёт внук по вентштреку по колено в воде, заходит в наклонный квершлаг, там вручную доставляют вагонетку, упускает её, она на него катится, а Валя стоит на месте—пропускает, как и положено. Вдруг её колеса с глухим стуком соскальзывают с рельса и падают на почву. Вагонетка бьёт внука в грудь, придавливая его к креплению выработки. «А-ах!»—последний вскрик Вали. И всё!.. Прямо сейчас его зовут к телефону и он, не ожидая ничего плохого, берёт трубку. Ему сообщают, что внук его в шахте прижат вагонеткой к стенке выработки (как когда-то сын!). Он, потрясённый, не говоря ни слова, летит в баню переодеваться, потом—на место несчастного случая: ламповая, дальше по галерее в здание ствола, спуск в клети по стволу—в шахту, затем по сети горных выработок на своих двоих до того самого наклонного квершлага. Недалеко от сопряжения с вентштреком он видит прижатого вагонеткой Валу. Может, он ещё жив? Может, ещё можно что-то сделать, чтобы спасти его? Горный мастер добычного участка уже организовал рабочих, ручной лебёдкой они приподнимают и оттягивают вагонетку, и он подхватывает внука, не давая ему упасть. Рабочие помогают положить пострадавшего на почву выработки. «Сейчас, Валя, сейчас, родной, потерпи...» Здесь уже находится медсестра подземного медпункта. Она пробует пульс на его руке, светит «коногонкой» в не реагирующие на свет зрачки. Достает из сумки с красным крестом шприц, делает укол. Оборачивается и молча качает головой. Приносят носилки (на добычном участке обязательно есть носилки!) и осторожно укладывают на них Валу. Недалеко стоит приехавший по распоряжению диспетчера электровоз с прицепленной вагонеткой. Носилки кладут на вагонетку, и вся процессия молча движется к стволу. По пути они встречают врача РПГ (в составе обслуживающих шахты горноспасательных отрядов имеются РПГ—реанимационно-противошоковые группы, врачи которых приезжают уже экипированными в спецодежду и оказывают помощь травмированным горнякам непосредственно в шахте). Медсестра сообщает ему о принятых ею мерах. Врач РПГ осматривает пострадавшего, делает ещё укол и подтверждает бесполезность реанимационных мероприятий. Валу, накрытого шахтёрской курткой, выносят из клети и несут в поверхностный медпункт. Меньше чем через час его осматривает судмедэксперт, и следователь прокуратуры выписывает направление в морг.

А потом... Потом—как обычно в таких случаях. Часа через три соберётся комиссия по «специальному расследованию» смертельной травмы, опустится в шахту для осмотра места трагедии.

Домой к погибшему поедет скорбная делегация от предприятия со страшным известием. Громко заголосит мать, посереют лица родных. По команде директора в стройцехе сколотят гроб, с участков выделят «копачей», в шахтной столовой организуют поминки—для коллег. Самые близкие соберутся дома: войдут в открытую калитку, в доме перекрестятся на образ («Горе-то какое!>). Соседки помогут маме с бабушкой готовить поминальный обед: приготовят наваристый, с мясом, борщ, на второе—гуляш с толчёной картошкой, напекут пирожков, сварят компот. Мужики вынесут во двор и составят в длинные ряды деревянные обеденные столы, покроют их скатертями. Не хватит своих скамеек и стульев—принесут соседи столько, сколько надо. Приедут с кладбища и станут, произнося прощальные слова, пить водку из стопок—не чокаясь. «Поминайте, поминайте...»—захлопочут женщины, подавая на столы еду и спиртное. Старики будут брать своими натруженными морщинистыми руками пирожки, запивать ещё тёплую сдобу компотом, и в их глазах будет читаться жестокая жизненная несправедливость: они, прожившие долгую жизнь, продолжают свой жизненный путь, а совсем молодой парень вперёд них ушёл в вечность...

Закончил Валька рассказывать—на деда больно смотреть, в его глазах слёзы.

—Дед, ты чего? Всё хорошо!

«А ведь Вале сейчас тоже двадцать два...»

Старый шахтёр прижал крепко внука к себе и тихо попросил:

—Ты только матери не говори...

Маленький солдатик

...Они сидели на кухне втроём, когда мама попросила:

—Серёжа, иди погуляй. Нам с дядей надо поговорить.

Чужой дядя достал из кармана яблоко и со странной улыбкой протянул его мальчику. Серёжа яблоко не взял, нехотя соскочил со стула и молча побрёл к выходу. Он не любил улицу. Щупленький и маленького роста, он был объектом постоянных насмешек и издевательств со стороны физически развитых сверстников и старших ребят, которые считали его «домашним». Собственно, оно так и было. Ему нравилось сидеть дома и читать книжки. В свободное от посещения школы, выполнения домашних заданий и поручаемых родителями работ время он закрывался в своей комнате и долгими часами читал. Книги были его лучшими друзьями.

Больше других Серёжа любил книгу об истории парусного флота (бригантины, каравеллы, фрегаты...)—последний папин подарок. Отец тогда уже кричал по ночам от боли и, словно предчувствуя предстоящую разлуку, повёл сына

на ту, как действительно оказалось, их последнюю прогулку. Сначала они не спеша бродили по парку, а потом сели в троллейбус и поехали в книжный магазин... Ночью отца забрала скорая, и домой он больше не вернулся. Рак!..

Мама всё чаще отправляла Серёжу играть с мальчишками на улице, чтоб не мешал встречаться с очередным «дядей», и эти игры становились для него всё более мучительными. Характерный пример: бугаи-старшеклассники заставили их, дворовую мелюзгу, играть с ними в футбол (с заранее предсказуемым исходом!), а затем поставили лицом к трансформаторной будке и устроили проигравшим «расстрел». Здоровые лбы по очереди лупили со всей дури по мячу, стараясь попасть как можно ближе к ребятам, и, видя их испуг, громко ржали. «Расстрел» продолжался до первого «убитого». Им оказался Серёжа—кожаный снаряд больно ударил ему в спину и буквально впечатал в стену трансформаторной будки. Опасаясь серьёзных последствий, хулиганы спешно ретировались...

А к маме утешение всё не приходило, и каждый день Серёжа наблюдал её душевные страдания. «Дяди» сменялись один за другим, но никто не мог заменить папу, да и он не давал ей разгуляться—время от времени напоминал о себе. Мальчишка узнал об этом случайно, когда однажды утром застал её рыдающей.

—Мам, ты чего? Тебя кто-то обидел?

Мама долго не отвечала, а потом не выдержала, призналась: папа приснился. Она потом часто плакала по утрам, и сын уже не спрашивал отчего—причина была та же.

С появлением «дяди Толи» в их квартире поселился невыветриваемый запах перегара. Мама тоже пристрастилась к спиртному и вскоре перестала давать Серёже карманные деньги—им самим с «дядей Толей» постоянно не хватало. Их жильё постепенно превратилось в помойку, и жизнь дома стала для мальчика совсем невыносимой. Тогда же мама его первый раз ударила. За что, Серёжа так и не понял...

Струдом дотянув до окончания восьмого класса, он за компанию со школьным товарищем уехал в другой город и поступил на учёбу в профтехучилище. Иногородним там давали место в общежитии. Зашёл в уже ставшую ему чужой квартиру, собрал свои нехитрые вещи, забрал любимые книжки и ушёл. Мама даже не спросила куда—у неё был очередной «ухажёр»...

Провожать Серёжу в армию мама не пришла, ей по-прежнему было не до него. Зато пришёл Иван Иванович—мастер производственного обучения профтехучилища, куратор их группы, который знал Серёжину ситуацию и искренне жалел его.

Иван Иванович смотрел на других призывников, которых провожали родные и невесты,

с удовольствием вспоминал, как когда-то сам уходил на срочную службу.

—Тяжело тебе будет в армии—нежный ты,—сказал он на прощание.—Я вместо тебя пошёл бы, если б можно было.

Они коротко обнялись.

—Ну, ничего, не падай духом. Не ты первый такой—не ты последний...—резюмировал наставник.

В учебном подразделении «бал правили» выходцы из среднеазиатских республик, и этим всё сказано. «Чморили» жёстко—отношение к Серёже и таким ребятам, как он, было хуже, чем к рабам. Однако ночь перед отправкой в воинскую часть, где предстояло проходить службу, превзошла весь предыдущий кошмар. К азиатам приехали родные, дали офицерам «на лапу», чтоб те не мешали, и в казарме начался «праздник». Самое неприятное было то, что в этом шабаше активное участие приняли приехавшие вместе с родственниками детки. Не отставая от взрослых и подбадриваемые ими, они принялись измываться над солдатами...

Серёжа лежал на кровати, укрывшись с головой под одеялом, лишь изредка выглядывая оттуда и наблюдая за происходящим. Какое-то время его просто не замечали, но потом пришла и его очередь. Девка, лет двенадцати, бесстыже задрала подол и принялась на него мочиться. Он рывком выскочил из-под одеяла и, пробегая, успел заметить её безумные глаза и перекошенный хохочущий рот. Остаток ночи Серёжа провёл под кроватью в дальнем углу казармы.

Утром казарма предстала во всей «красе»—заблёванная и в следах крови. Все «защитники Родины» еле двигали ногами: одни—от выпитого спиртного, другие—от побоев. Их кое-как построили.

А дальше была дорога в Афганистан...

Видя, как издеваются над Серёжей старослужащие и «качки» из нового призыва и что командир отделения не очень-то препятствует разного рода неуставным отношениям, его взял под свою опеку лейтенант—командир взвода. Взводный уже успел хлебнуть лиха на этой войне и защищал молодых бойцов от любителей их «пошпынять». Серёжу он жалел, наверное, ещё и потому, что понимал: ну какой из него солдат?! Дитё ещё совсем и по натуре своей скромный интеллигентшишка—ему бы книжки читать-писать, а не с автоматом по горам лазить. Понимал это лейтенант, но ни словом не обмолвился.

Однажды вышел у них разговор по душам. Взводный сам его начал:

—А тебе что, никто не пишет?

—Почему никто, товарищ лейтенант?! Иван Иванович пишет,—и Серёжа кратко рассказал о нём.—А родители?—участливо спросил командир.

— Отец умер, а мама... — долго думал молодой солдат, прежде чем нашёл нужные слова, а потом ещё решал, произносить их вслух или нет, но посчитал, что лучше сказать как есть: — Не нужен я ей.

— Как это не нужен?! — не понял офицер.

И Серёже пришлось выложить всю правду.

— Она меня вообще ненавидит, считает, что я виноват в её жизненных неудачах, — закончил он свой рассказ.

— А братья-сёстры есть?

— Не-а.

— Выходит, сирота ты. При живой матери... сирота, — лейтенант осуждающе покачал головой и больше вопросов не задавал.

Десяток солдат во главе с командиром взвода на боевой машине пехоты выдвинулся с блокпоста на выручку попавшей в засаду колонне.

— Малого зачем с собой взяли? — недовольно ворчали «деды».

— Пусть потихоньку втягивается, — ответил лейтенант и, обращаясь уже непосредственно к молодому бойцу, добавил: — В бою держись ближе ко мне.

Колонна отчаянно отбивалась, в радиоэфире звучали призывы о помощи. По мере того, как БМП приближалась к месту событий, звуки боя слышались всё отчётливей. Лица сидевших на броне стали сосредоточенными, пустой трёп прекратился.

Но их тоже ждали. Если б гранатомётный выстрел оказался точным, то для них бы всё закончилось сразу, так и не успев начаться. Однако душман промахнулся: подняв облако пыли и обдав наших бойцов горячим воздухом взрывной волны с запахом сгоревшей взрывчатки, граната взорвалась в стороне, не причинив вреда. Одновременно начался обстрел из стрелкового оружия.

Первым спрыгнул с брони лейтенант, следом за ним Серёжа. Взводный на бегу кричал, отдавая приказание и пытаясь организовать оборону, но... «Бээмпэшка» вдруг начала резво разворачиваться. Успевшие спрыгнуть с неё «деды» быстро забирались обратно на броню.

— Стой! Куда?! Назад!.. — орал лейтенант.

Но его словно никто не слышал: БМП вышла из-под обстрела и рванула назад к блокпосту.

— Дембеля... — командир выругался.

«Умирать никому неохота, а дембелям особенно — они уже, считай, дома», — промелькнуло в голове у Серёжи.

Молодого солдата всего трясло от страха — для него это был первый настоящий бой.

— Не бойсь, помощь будет, — поддержал его лейтенант. И добавил двусмысленную фразу: — В любом случае нам осталось недолго.

Действительно, их положение было безнадежным. Единственный положительный момент состоял в том, что они успели занять удобную для боя

позицию. Командир быстро оценил обстановку и, сэкономив патроны, начал вести огонь, сдерживая наступавших душманов.

Серёжа понимал, что то же самое должен делать и он, но, парализованный страхом, не мог даже пошевелиться. Он спрятался за большим камнем и боялся оттуда высунуться. Лейтенант время от времени оборачивался в его сторону, и хотя не произносил ни слова, Серёже казалось, что смотрел он на него с укоризной. Сжимая в руках автомат, молодой солдат несколько раз порывался выглянуть из своего укрытия, но каждый раз включался какой-то внутренний тормоз и не давал этого сделать.

Время шло, взводный по-прежнему отбивался в одиночку... Наконец, собравшись с духом, Серёжа высунул автомат и, не глядя куда, выпустил весь рожок.

— Береги патроны! — крикнул командир.

Вокруг цокали пули, поднимая фонтанчики пыли и разбрызгивая мелкую каменную крошку. Один из таких каменных осколков попал Серёже в лицо.

— Ой! — он закричал так, как будто «поймал» настоящую пулю.

Лейтенант мгновенно оказался рядом.

— Живой?.. Ранило... куда?.. — тревожно оглядел его, сразу понял, в чём дело, тихо произнёс: — Это ничего... — и, не договорив, вернулся на свою позицию.

Постепенно азарт боя взял своё, и Серёжа «втянулся». Вжав голову в плечи и сэкономив патроны, он вёл огонь, лишь на мгновение высовываясь из-за камня и стараясь попасть в мелькавшие уже невдалеке от них фигуры.

Видя это, лейтенант ему подмигнул и крикнул: — Можешь ни в кого не попасть, главное — близко не подпускай.

Они продолжали вести неравный бой. В какой-то момент Серёжа поймал в прицел стреляющую фигуру и нажал на спусковой крючок. Автомат коротко вздрогнул, выпустив раскалённый свинец. Фигура тут же откинулась назад, выронив из рук оружие.

— Я попал! Товарищ лейтенант, я попал! — закричал Серёжа. Он был вне себя от радостно-пьянящего чувства, охватившего его при виде поверженного врага. — Я попал, товарищ лейтенант!

Но взводный не отзывался.

— Товарищ лейтенант...

Командир лежал ничком, уткнувшись в своё ещё горячее оружие. Казалось, офицер устал от боя, сейчас он немного так полежит и, отдохнув, снова начнёт стрелять.

Серёжа начал трясти его за плечо, как будто хотел разбудить, а когда понял бесплодность таких попыток, догадываясь, что произошло самое страшное, перевернул на спину. Лейтенант смотрел на него мёртвыми глазами. На его лице застыло

то ободряющее выражение, которое Серёжа заметил, когда видел командира живым последний раз. (Взводный даже мёртвый не оставлял бойца без своей поддержки!)

— Товарищ лейтенант, не умирайте! Товарищ лейтенант...

Ещё не веря в случившееся и смутно понимая происходящее, Серёжа продолжил отстреливаться. Он плохо видел, куда стрелял,— по его лицу текли слёзы. Молодой боец наскоро смахивал их тыльной стороной своей грязной ладони и продолжал вести огонь.

Когда кончились патроны, он взял автомат взводного и стал стрелять из него:

— Это вам за товарища лейтенанта!..

Но и боезапас погибшего офицера тоже вскоре закончился.

Враги подошли совсем близко:
— Шурави, сдавайся!

В ответ промелькнули слова устава: «Ничто... не должно заставить... сдаться в плен»,— и рассказы «дедов» о том, как душманы поступают с нашими пленными.

«Духи» поняли, что патронов у советского воина не осталось, и, стремясь захватить его живым, приближались теперь без опаски, в полный рост.

Впереди между камней показалась первая чалма, вторая...

«Сколько же их!»

Рядом лежал убитый лейтенант и, казалось, говорил: «Я здесь, я с тобой— не бойся!»

Серёжа отложил автомат. Поднялся. Достал гранату. Выдернул чеку.
— Шурави, сдавайся!

Серёжа медлил. Он совсем не думал о том, чтобы забрать с собой побольше вражеских жизней— он ждал помощи. Ждал, что вот-вот, прямо сейчас, в эту секунду, придут свои, душманы начнут в панике отступать и им станет не до него.

Но помощь всё не приходила, а больше ждать уже было нельзя— он был окружён.

Тогда маленький солдатик в последний раз взглянул на командира, разжал пальцы и выронил гранату себе под ноги:
— Мама!..